
О.Б. Леонтьева

**1917 ГОД В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ***

O.B. Leont'eva

1917 in the perception of the Russian intelligentsia

На рубеже 1980–1990-х годов отечественному читателю стали доступны эго-документы и публицистические очерки писателей, философов, ученых – современников революции 1917 г., ранее публиковавшиеся лишь за границей или с купюрами в СССР. Это дневниковые записи А.А. Блока, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, Ю.В. Готье, М.М. Пришвина, публицистические очерки А.М. Горького, В.В. Розанова, «веховцев» (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка и других), относящиеся к 1917–1918 гг.

Будучи сиюминутными откликами на происходящее, дневники и публицистика позволяют проследить, как менялись настроения авторов, как формировалась у них оценка тех или иных явлений, как они искали смысловые ориентиры в быстро меняющейся реальности. В этом отношении дневники как источники предпочтительнее мемуаров, которые обычно создаются по прошествии времени и представляют собой переосмысление былых событий с позиций прожитой жизни.

Несмотря на то что представители российской интеллигенции того времени могли сочувствовать разным политическим направлени-

* *Леонтьева О.Б.* 1917 год в восприятии российской интеллигенции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/1917-god-v-vostryatii-rossiyskoy-intelligentsii>

ям, их объединяло общее восприятие 1917 г. как «точки невозврата», осознание того, что их потомки даже не смогут представить себе ту Россию, в которой жили их отцы и деды.

Стержневой темой их дневниковых и публицистических высказываний была дегуманизация общества. Одним из главных потрясений революционных дней для всех авторов – даже тех, кто изначально верил в очистительную силу революции – стала агрессия толпы. Это физически ощутимые на улице, в трамвае, в поезде и т.д. потоки вражды и раздражения и даже крайние проявления этой агрессии – самосуды, безрассудные аресты и расстрелы. В этих условиях переоценке подверглась «вера в народ» – убеждение, что «простой народ» является носителем социальной и нравственной правды, что составляло один из столпов мировоззрения российской интеллигенции.

В равной степени изменилось и отношение к самой интеллигенции. Вновь, как и после революции 1905 г., зазвучала «веховская» тема моральной ответственности интеллигенции за кровавые эксцессы революции, за то, что она культивировала в российской молодежи ненависть и разрушение. Обвинения в адрес интеллигенции позволяли снять историческую ответственность с народа, а революция в таком случае выступала как показатель исторического краха русской интеллигенции, ее просветительной и освободительной миссии.

В ситуации распада прежних убеждений, крушения надежд представители гуманитарной интеллигенции пытались отыскать мировоззренческие ориентиры в сфере литературы и истории. Отношение авторов анализируемых текстов к русской литературе в революционную годину было сложным. С одной стороны, в воздействии литературы на российское общество усматривали одну из причин разыгравшейся социальной катастрофы. Например, В.В. Розанов определенно высказывался, что «Россию убила литература». С его точки зрения, печально знаменитый Приказ № 1 «О правах солдат» от 27 февраля 1917 г., «превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор», подготавливался на протяжении всего XIX в. сатирическими изображениями офицеров и генералов А.С. Грибоедовым, Н.В. Гоголем и Л.Н. Толстым. Розанова поддержал И.А. Бунин, также в произошедшем обвинивший «литературу, которая сто лет позорила буквально все классы, т.е. “попа”, “обывателя”, мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина – словом, вся и всех, за исключением какого-то “народа”».

С другой стороны, литература выступала одним из ключей к пониманию происходящего, возводилась в ранг сбывшегося пророчества – поскольку ей, с точки зрения интеллигентного читателя, подвластна глубинная правда о человеке и о русском человеке в частности.

Ответы на насущные вопросы современности интеллигенция искала и в трудах по истории, которая помогла бы усмотреть истоки событий 1917 г. Ценность исторических знаний хроникеры эпохи видели в том, что история учит видеть аналогии и повторяемость, понимать национальную психологию и отыскивать корни социальных проблем.

Теря веру в народ, интеллигенцию, свободу и в самого человека, российские писатели и гуманитарии тем не менее продолжали верить в силу мысли и слова. Вероятно, именно это и заставило их продолжать свои записи в революционное лихолетье, «чувствуя себя обязанными», по словам историка Ю.В. Готье, «создать... очень несовершенный, очень субъективный, но все же исторический источник, который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем».

Фетисова Т.А.